

ИЗ КОПИЛКИ ДЕТЕКТИВА

**Антология мирового детектива
в шести томах**

Редакционная коллегия
серии:

А.Б.Горянин
В.И.Селиванова
М.А.Утевский
В.Н.Филиппова

Составители
первого тома:

А.Б.Горянин, В.Н.Филиппова

Оформление серии
художников:

А.Б.Боброва, И.В.Красильникова

АО «Инициатор»
1992

ТОМ **1**

Переводы
с английского
и французского

Энтони Беркли — Anthony Berkeley,
 псевдоним Энтони Беркли Кокса — английский
 писатель, родился 5 июля 1893 г., умер
 9 марта 1971 г. Беркли входил в 30-е годы
 в дюжину лучших детективных авторов
 Англии, но, к сожалению, после войны
 совершенно оставил литературу.

«Дело об отравленном шоколаде» и это, как ни странно, не погубило произведения (по крайней мере, по отзывам критики). Данный перевод был напечатан в журнале «Ленинград», 1946, № 9.

Случай — мстителя

Роджер Шерингем любил впоследствии утверждать, что Дело Отравленного Шоколада было, пожалуй, наиболее совершенно организованным преступлением из всех когда-либо раскрытых. Факты были так ясны, что вы, казалось, видели все — и в то же время ничего не понимали. Метод был настолько обнажен, что вы сразу ухватывали наиболее существенное, но не могли ухватить ничего. Улики так слабо скрыты, что, думалось, очень просто проследить скрывавшего их, но выследить его оказывалось невозможным. И несмотря на вмешательство несчастного для убийцы случая, это дело должно быть причислено к классическому списку таинственнейших преступлений.

Вот как изложил это дело Роджеру главный инспектор Морсби через неделю после начала дознания.

Во вторник, 15 ноября, около половины одиннадцатого утра, сэр Вильям Аустрюфер вошел, согласно неизменной привычке, в свой клуб на Пикадилли — один из наиболее блистательных клубов — и спросил, есть ли для него письма. Швейцар вручил ему три письма и небольшую посылку. Сэр Вильям проследовал в комнату отдыха, к излюбленному месту у камина.

Несколькими минутами позже сюда же зашел другой клубмен — мистер Грэхэм Бэрсфорд. Его тоже ждала корреспонденция. Присев у камина, он кивнул сэру Вильяму, не заговаривая с ним. Джентльмены были мало

знакомы и едва ли когда-нибудь обменивались больше чем дюжиной слов.

Мельком пробежав письма, сэр Вильям вскрыл посылку и захрюкал от негодования. В ответ на удивленный взгляд Бэрсфорда сэр Вильям протянул бланк, найденный в посылке. Скрывая улыбку (поведение сэра Вильяма было вечным источником развлечения других членов клуба), Бэрсфорд прочитал бланк. Крупная шоколадная фирма «Мэсон и Сыновья» сообщала, что, выпуская в продажу новый сорт конфет с ликером, она заинтересована в оценке качества этих конфет. Не окажет ли сэр Вильям честь принять прилагаемую двухфунтовую коробку и сообщить фирме свой искренний отзыв?

— Они, что, принимают меня за девицу легкого поведения? — возмущался сэр Вильям. — Как бы не так — писать отзыв об их дурацком шоколаде! Будь они прокляты! Я презираю их наглую саморекламу! Этот стиль бесстыдного поведения не допустим в нашем обществе!

— Ничего, их принесло не таким уж плохим ветром! — стал его успокаивать Бэрсфорд. — Знаете, эти конфеты напомнили мне кое-что. Вчера мы были с женой в театре. Я прозакладывал коробку шоколада против сотни папирос, что она до конца второго акта не угадает, кто злодей в пьесе. Но она угадала. Я проиграл пари... Вы видели «Проломленный череп»? Недурной спектакль...

Сэр Вильям не видел спектакля, о чем и сообщил по-прежнему яростно.

— Вам нужна коробка конфет? — спросил он уже спокойней. — Да возьмите эту! Я в ней не нуждаюсь.

Сперва Бэрсфорд вежливо отказывался, но затем, к большому своему несчастью, взял конфеты. Деньги, сэкономленные на этом, не значили для него ничего. Он был богат. Но он избавился от заботы ехать в магазин за проигранными конфетами.

По счастливой случайности ни обертка посылки, ни обращение фирмы не были уничтожены. Сэр Вильям бросил их у каминной решетки, а педантичный швейцар водворил в мусорный ящик, где их и нашла впоследствии полиция...

Среди трех главных персонажей будущей драмы сэр Вильям, без сомнения, был самым характерным — пятидесятилетний джентльмен, он выглядел со своим цветущим красным лицом и плотной фигурой типичным сельским помещиком феодальных времен. Его поведение, особенно

в отношении жены, тоже соответствовало традициям нагло-го, распушенного баронета.

В сравнении с ним Бэрсфорд был мало примечательным человеком — невысокий, смуглый, не лишенный привлекательности мужчина лет тридцати пяти, сдержанный и немногословный. Отец оставил ему хорошее состояние, но активная деятельность не была в характере Грэхема, и он принимал участие лишь в ряде финансовых операций.

Деньги к деньгам! Грэхем Бэрсфорд наследовал деньги, сам наращивал капиталы, и женился на деньгах. Дочь ливерпульского судовладельца имела почти полмиллиона собственного капитала. Впрочем, финансы в этом браке не имели значения. Грэхем был влюблен и женился бы (говорили друзья), даже если бы она не имела ни фартинга. Мыслящая, образованная девушка, не настолько молодая, чтобы ее характер не имел времени сформироваться — ей было двадцать пять лет, когда три года назад она вышла замуж за Бэрсфорда, — она явилась для Грэхема идеальной подругой жизни. Кое в чем, возможно, несколько пуританских взглядов! Но Бэрсфорд, чья бурно проведенная молодость заставляла искать успокоения в настоящем, рад был усвоить такие взгляды, лишь бы казаться достойным жены. Одним словом, он явно достиг восьмого чуда нашего времени — подлинно счастливого брака.

И вот между этими людьми возникла вестником неправимой катастрофы коробка шоколадных конфет.

Грэхем поднес ее жене после завтрака, с шутливым замечанием о необходимости платить долги. Она раскрыла коробку и попробовала одну конфету. Тотчас же она сказала удивленно, что начинка необычайно крепка и прямо-таки обжигает рот.

Бэрсфорд объяснил, что это образчик конфет новой марки, и тоже съел шоколадку. Незнакомый ликер, слишком крепкий, чтобы быть приятным, производил странное впечатление, и аромат миндаля казался чрезмерно острым.

— Черт возьми, — сказал Бэрсфорд, — пряная начинка! Она будто сделана из чистого спирта!

— Да, очень крепкий ликер, — согласилась жена, пробуя другую шоколадку. — Ничего подобного я раньше не пробовала.

Вторая конфета понравилась Бэрсфорду еще меньше.

— Хватит! — сказал он решительно. — У меня даже

язык онемел. Я не ел бы их больше на твоём месте. Мне кажется, здесь что-то неладно.

— Это, видимо, какой-то новый сорт, — возразила она. — Но я ещё не решила, нравятся они мне или нет...

Несколько минут спустя Бэрсфорд уехал на деловое свидание в Сити. Это было приблизительно в половине третьего. В четверть четвертого его ввели в здание клуба швейцар и шофер, и обоих поразила мертвенная бледность, остановившиеся зрачки и синевато-лиловые губы Бэрсфорда. Его кожа была липкой и влажной, однако он не терял сознания, и, когда его провели по лестнице, он смог дальше идти сам лишь опираясь на швейцара.

Швейцар, серьёзно напуганный, хотел вызвать врача, но Бэрсфорд, ненавидящий всякую шумиху, заявил, что дело в простом желудочном расстройстве и необходимости в докторе нет. Однако, когда швейцар отошел, Бэрсфорд обратился к находившемуся здесь же сэру Вильяму.

— По-моему, это имеет отношение к чертову шоколаду, который я взял у вас. Мне все время казалось, что в нём есть что-то странное. Я, пожалуй, съезжу домой посмотреть, не случилось ли чего с женой...

Внезапно он замолчал. Его тело неестественно напряглось, челюсти сжались, лицо исказила гримаса, и пальцы вцепились в ручки кресла. Наклонившись к Бэрсфорду, сэр Вильям почувствовал явственный запах горького миндаля.

Подняли тревогу. И, прежде чем пришел доктор, в клуб позвонил испуганный лакей Бэрсфорда, разыскивающий везде хозяина. «Миссис Бэрсфорд, — говорил он, — внезапно серьезно заболела». На самом же деле к этому времени она уже была мертва.

...Бэрсфорд не умер. Он принял яду значительно меньше, чем жена, съевшая раза в три больше отравленных конфет. Полиция принялась за расследование, как только стало известно о смерти миссис Бэрсфорд и о том, что причина этого — отравленный шоколад.

Предполагалось, что из-за преступной небрежности фирмы «Мэсон и Сыновья» в конфеты введено излишнее количество горького миндального масла. Но директор производства тотчас разбил эту теорию: масло горького миндаля, как сообщил он, совсем не употребляется фирмой.

С непритворным удивлением прочитав сопроводительное письмо, директор заявил, что письмо это — явная подделка.

Яд введен в конфеты самого обычного сорта сквозь маленькие отверстия, впоследствии заделанные растопленным шоколадом. Исключительно нетрудная операция!

Инспектору стало ясно, что кто-то сознательно покушался на жизнь сэра Вильяма Ауstrupфера.

Скотленд-Ярд удвоил энергию. Шоколад был послан на экспертизу, сэр Вильям допрошен, так же как уже пришедший в сознание Бэрсфорд. Доктор настоял, чтобы известие о смерти жены было временно скрыто от него. При слабости отравленного потрясение могло иметь роковые последствия. Ничего более или менее способствующего расследованию больной сообщить не мог.

Сэр Вильям также не мог разъяснить тайны или хотя бы сообщить, имел ли кто-нибудь основание покушаться на его жизнь.

Экспертиза выяснила любопытную подробность. Не масло горького миндаля, а нитробензол — схожее вещество, употребляемое в производстве анилиновых красок, оказался ядом, введенным в конфеты. Отрава была примешана к начинке каждой конфеты верхнего ряда. Шоколадки внизу отравлены не были.

Остальные нити казались не ведущими никуда. Фирменный листок, приложенный к посылке, был опознан типографщиком Мертоном, но ничто не показывало, как этот бланк попал в руки убийцы. То, что края листка слегка пожелтели, указывало на очень давнее происхождение. Пищущую машинку, на которой писалось обращение, конечно, нельзя было отыскать. По обертке, куску обычной плотной бумаги с фамилией сэра Вильяма, написанной печатными буквами, было трудно определить что-либо, кроме того, что посылка отправлена из почтового отделения на Саутхемптон-стрит, между 8.30 и 9.30 в предшествующий преступлению вечер.

Одна вещь была совершенно ясна: тот, кто покушался на жизнь сэра Вильяма, сделал все возможное, чтобы не поплатиться за это собственной жизнью.

— ...А теперь вы знаете столько же, сколько и мы, мистер Шерингем, — заключил свой рассказ Морсби, — а если вы сможете сказать, кто послал шоколад сэру Вильяму, значит, мы знаем много меньше вас.

Роджер задумчиво кивнул.

— Это скверное дело! Только вчера я встретил человека, учившегося вместе с Бэрсфордом. Он говорит, что бедняга

совершенно сломлен смертью жены. Я бы хотел, чтобы вы нашли пославшего шоколад!

— Я сам хочу этого! — сказал Морсби уныло.

— Кто бы это мог быть? — размышлял Шерингем. — Как, например, насчет покушения из ревности? Частная жизнь сэра Вильяма не кажется мне незапятнанно чистой. Осмелюсь сказать: у него порядочно старых любовных историй, не говоря уже о теперешних связях.

— Это то, о чем я подумал в первую очередь, мистер Шерингем! — воскликнул Морсби. — Никто, кроме женщины, не придумает послать яд в шоколадных конфетах! Мужчина послал бы скорее бутылку отравленного виски.

— Это веский аргумент, Морсби, — размышлял Шерингем. — А сэр Вильям ничем не помог вам?

— Не помог или не хотел помочь! — заявил Морсби. — Сначала мне казалось, что он подозревает какую-то женщину. Но теперь я так не думаю.

— Хм! Не напоминает ли вам что-либо это дело? — спросил Шерингем. — Не послал ли однажды некий сумасшедший отравленный шоколад самому начальнику полиции? Хорошо задуманное преступление всегда находит подражателей.

Морсби просиял.

— Удивительно, что я сам пришел к такому же заключению! Насколько мы знаем, ни одна душа не заинтересована в смерти сэра Вильяма — с точки зрения мести, денег и тому подобного. Я готов думать: шоколад послала какая-нибудь сумасшедшая, политическая или религиозная фанатичка, даже не знающая сэра Вильяма лично. А в таком случае, — вздохнул Морсби, — трудно надеяться раскрыть это дело.

— Если только случай не придет нам на помощь, как это часто бывает, — сказал, улыбаясь, Роджер. — Огромное количество дел раскрыто благодаря счастливым случайностям. «Случай-Мститель!» Превосходное название для кинофильма! Но есть здесь и доля жизненной правды...

По правде говоря, Роджер был склонен согласиться с главным инспектором в том, что покушение на сэра Вильяма, повлекшее за собой смерть несчастной миссис Бэрсфорд, дело неведомого психопата. Но случайная встреча несколько дней спустя изменила это предположение.

Роджер шел по Бонд-стрит, готовый броситься в отчаянную авантюру покупки новой шляпы. На людном тротуаре

он повстречал миссис Виккер-ле-Флеминг. Миссис Виккер-ле-Флеминг — маленькая, богатая, изысканная вдовушка — при каждой возможности преследовала Роджера своим вниманием. И она была болтуней! Она говорила, говорила, а Роджер, очень любивший говорить сам, не мог выносить этого в других. Он попытался пересечь улицу, но не мог пробиться сквозь поток экипажей и был пойман.

Миссис Виккер-ле-Флеминг радостно вцепилась в него.

— О, мистер Шерингем! Вы как раз тот, кого я стремилась увидеть. Скажите мне! По секрету! Взались вы за это жуткое дело о смерти бедной Жанны Бэрсфорд?!

С застывшей улыбкой светской любезности Роджер пытался ответить. Тщетно!

— Я была в ужасе, услышав об этом, просто в ужасе! Видите ли, мы с Жанной такие близкие друзья! Интимные друзья! И самое ужасное, самое страшное в этом то, что Жанна сама навлекла на себя все. Разве это не кажется вам кошмарным?

Роджер не пытался больше ускользнуть.

— Что вы говорите? — успел он вставить недоверчиво.

— Мне кажется, это то, что называется трагической иронией! — щebetала миссис Виккер-ле-Флеминг. — Действительно, это достаточно трагично, и я никогда не слышала ничего более горько-иронического. Вы знаете, конечно, о пари, которое было у Жанны с мужем, и о том, что она выиграла коробку конфет? И если бы не это, сэр Вильям никогда не передал бы ему отравленного шоколада, и она не съела бы конфет и не отравилась бы и была бы жива. Прекрасно, мистер Шерингем... — она перешла на таинственный шепот и оглянулась вокруг. — Я никому больше не сообщала этого, но вам скажу, так как знаю — вы сможете оценить! Жанна вела нечестную игру!

— Что вы хотите сказать? — спросил изумленно Роджер.

Миссис Виккер-ле-Флеминг искренне обрадовалась его удивлению.

— Ну да, ведь она видела этот спектакль раньше! Мы были на нем вместе, в первую неделю постановки. Она с самого начала знала, кто в пьесе злодей... Но для Жанны Бэрсфорд — это недопустимый поступок! Она была такой порядочной девочкой! Немного скуповата, знающая цену деньгам, но ведь в этом нет ничего дурного... Конечно, забавно поморочить собственного мужа, но я всегда думала,

что Жанна слишком серьезна для этого. Видите ли, мистер Шерингем, люди нашего круга не любят говорить о чести, о правдивости, эти вещи у нас подразумеваются сами собой. Но Жанна вечно твердила о необходимости играть честно, о неблагопорядке любого обмана... Что ж, она сама поплатилась за нечестную игру, бедняжка! Разве это не подтверждает старую поговорку?

— Какую поговорку? — спросил Роджер, заигнотизированный словесным потоком.

— В тихом омуте черти водятся! Жанна совсем не была такой правдивой, какой хотела казаться. Я не могу не думать, что женщина, обманувшая мужа даже в таком пустяке, — о, я не хочу сказать ничего плохого о Жанне, поскольку она уже мертва, бедняжка, — такая женщина и вообще не была той святой, какой представлялась... Психология, мистер Шерингем, должно быть, очень увлекательная наука?

— В некоторых случаях — да! — сухо согласился Шерингем. — Но вы упомянули сэра Вильяма Аустрюфера. Вы знакомы с ним тоже?

— Знакома... — протянула миссис Виккер-ле-Флеминг. — Ужасный человек! Всегда волочитя то за одной, то за другой женщиной! И как только устает от нее, тотчас бросает, как тряпку! Во всяком случае, я так слышала, — добавила она поспешно.

— А если женщина не соглашается быть брошенной?

— Дорогой мой, я не знаю... Вы слышали о его последнем романе? Он связался с женой этого нефтяного дельца... Или торговца керосином? И, думаете, ужасное сознание ответственности за смерть Жанны хоть немного отрезвило его? Ни в какой мере! Он...

Остальную часть разговора Роджер свел к болтовне о театре. Но, прежде чем отделаться от своей собеседницы, он выяснил, что у нее есть фотокарточки четы Бэрсфорд и сэра Вильяма и заручился согласием на время одолжить эти карточки. Распровавшись с миссис Виккер-ле-Флеминг, Шерингем немедленно взял такси, чтобы успеть забрать фото до возвращения хозяйки. Встретиться с ней еще раз он просто был не в состоянии.

Горничная не нашла в визите ничего странного. Весь угол гостиной был увешан помещенными в серебряные рамки фотокарточками друзей миссис Виккер-ле-Флеминг. Роджер рассматривал их с интересом и в результате взял

с собой не две, а шесть фотокарточек: сэра Вильяма, Грэхема и Жанны Бэрсфорд, двух незнакомцев, видимо, принадлежащих к поколению сэра Вильяма, и, наконец, карточку самой миссис Виккер-ле-Флеминг. Роджер любил запутывать следы.

Весь остаток дня он был чрезвычайно занят.

Его деятельность многим показалась бы не только странной, но и просто бесцельной. Например, он побывал в публичной библиотеке, обложился справочниками, а после этого поехал в контору «Англо-Восточной Парфюмерии», где спросил некоего Джозефа Ли Хардвика, и казался очень озадаченным, узнав, что такого служащего нет ни в самой конторе, ни в одном из филиалов фирмы. Он задал ряд вопросов о фирме и о круге ее деятельности, прежде чем убедился в тщетности своих поисков.

Затем он направился в «Вилл и Вильсон», знаменитое учреждение, охраняющее интересы промышленников и дающее советы по вложению капиталов. Он представился в маклерской конторе будущим клиентом фирмы, желающим вложить капитал в верное дело, и заполнил — для специального запроса — бланк под заголовком: «Особо секретно».

Потом он поехал в клуб на Пикадилли.

Бесстыдно назвавшись сотрудником Скотленд-Ярда, он задал швейцару несколько более или менее стандартных вопросов, связанных с происшедшей драмой.

— Сэр Вильям, — мимоходом, в заключение спросил он, — насколько я понимаю, не обедал здесь в вечер перед получением шоколада?

Оказалось, Роджер не угадал, сэр Вильям обедал в клубе, имея обыкновение обедать здесь точно три раза в неделю. — Но я определенно знаю, что сэр Вильям в тот вечер не был в клубе, — настаивал Роджер.

Однако швейцар по-прежнему утверждал обратное. Его поддержал призванный на помощь официант. Сэр Вильям в тот вечер не покидал ресторана до девяти часов. «Он сидел в клубе и позже», — вспомнил официант, носивший ему после обеда виски.

Затем Роджер отправился в типографию Мертонна.

Казалось, он хочет дать заказ на бланки специального образца. Симпатичной девушке, принимавшей заказы, он описывал эти бланки с утомительным многословием. Девушка подала ему образцы заказов и попросила самого

посмотреть шрифты. Склонившись над кипой образцов, Роджер начал болтать. Ему рекомендовал Мертона близкий друг, фотокарточка которого как раз сегодня при нем. Не странное ли это совпадение? Девушка согласилась, что совпадение, действительно, странное.

— Он сам заходил к вам дня два тому назад, — тараторил Роджер, вынимая фотографию из кармана. — Узнаете его?

Девушка взглянула безо всякого интереса.

— Да, я вспоминаю. Так это ваш друг? Он тоже, кажется, заказывал бланки...

Из типографии Роджер отправился обедать. Затем стал бродить по улицам, не находя покоя. Он шел, глубоко задумавшись, пока не очутился возле театра «Империал». Взглянув на афишу «Проломленного черепа», он увидел, что спектакль начинается в половине девятого. До начала — десять минут. Нужно же как-нибудь убить вечер! Он вошел в театр.

На следующее утро, очень рано для себя, Роджер очутился в Скотленд-Ярде.

— Морсби, — сказал он без предисловий, — сделайте для меня кое-что. Можете вы разыскать водителя такси, взявшего пассажира в районе Пикадилли около десяти минут десятого вечером накануне дня преступления и отвезшего его на Саутхемптон-стрит? И второго, кто несколько минут спустя отвез пассажира в обратном направлении. Возможно, было использовано одно и то же такси в оба конца, но я в этом сомневаюсь. Так или иначе — поможете мне?

— К чему это, мистер Шерингем? — спросил подозрительно Морсби.

— Чтобы разбить одно интересное алиби, — безмятежно ответил Роджер. — Кстати, я уже знаю, кто послал сэру Вильяму этот шоколад. Позвоните мне, когда разыщете шофера...

Он покинул Морсби, остолбеневшего от удивления.

Остаток дня Роджер провел в поисках подержанной пишущей машинки. Ему нужна была машинка марки «Гамильтон-4». Когда продавцы предлагали другие системы, он решительно отказывался.

— Один друг рекомендовал мне именно «Гамильтон-4». Такую машинку он приобрел недели три тому назад. Может быть, он купил ее как раз в вашем магазине? Нет? Вы не

продавали «Гамильтон-4» уже в течение нескольких месяцев? Как странно!

Но в одном магазине был недавно продан «Гамильтон-4».

К половине пятого Роджер вернулся домой. Вскоре позвонил Морсби.

— Четырнадцать таксистов топчутся у меня в кабинете. Что вы намерены делать с ними?

— Задержите их, пока я не приду! — с достоинством ответил Роджер.

Свиданье со всеми четырнадцатью было очень коротким. Каждому Роджер предъявил фотокарточку, держа ее так, чтобы не видел Морсби, и спрашивал: помнит ли шофер такого пассажира? Девятый без колебаний опознал пассажира.

Роджер кивнул. Морсби отпустил шоферов, а потом сел к столу, стараясь сохранить непроницаемый вид.

Роджер уселся на стол, сугубо неофициально болтая ногами.

Фотокарточка выпала у него из кармана и опустилась на пол лицевой стороной вниз. Морсби заметил это, но не решился поднять ее.

— А теперь, мистер Шерингем, — сказал он, — может быть, вы сообщите о своем открытии?

— Конечно, Морсби, — ласково сказал Шерингем. — Я, действительно, видите ли, решил задачу. Вот доказательство! — Он вынул из бумажника старое письмо и протянул инспектору. — Не на этой ли машинке писалось поддельное обращение Мэсона?

Морсби с минуту рассматривал письмо, потом вынул из ящика поддельный бланк и сличил оба листка.

— Мистер Шерингем, — сказал он взволнованно, — где вы достали это?

— В магазине подержанных пишущих машинок на Сэнт-Мартин-лайн. Машинка была продана неизвестному покупателю с месяц тому назад. Там опознали фотокарточку. Случилось так, что машинку использовали раньше в конторе магазина, чтобы определить, хорошо ли она работает. И я без труда заполучил одно из написанных на ней писем.

— А где эта машинка теперь?

— О, по всей вероятности, на дне Темзы, — улыбнулся Роджер. — Говорю вам — преступник предусмотрел все случайности. Но улика у вас в руках.

— Пожалуй! — согласился Морсби. — А откуда он взял бланк шоколадной фирмы?

— Бланк вырван из книги образцов заказов в типографии Мертона. Я просматривал книгу заказов и нашел там пробел, который может быть заполнен листком, посланным сэру Вильяму.

— Это ловко! — с восхищением сказал Морсби.

— Что касается шофера, преступник хотел обеспечить себе алиби. Теперь это алиби уничтожено. В начале десятого, как раз когда была отправлена посылка, убийца предпринял спешную поездку в дальнее почтовое отделение, возможно, в автобусе или в метро, но обратно вернулся в такси, так как был очень стеснен во времени.

— Кто же убийца, мистер Шерингем?

— Личность, чья фотокарточка у меня в кармане, — сказал Роджер. — Между прочим, помните, что я говорил о Случае-Мстителе? Это он помог мне. Благодаря случайной встрече с болтливой женщиной, я стал обладателем ценнейшей информации, понял, кто послал шоколад сэру Вильяму. Конечно, были и другие предположения, я проверил их, но тогда, на людном тротуаре, весь замысел убийцы, будто озаренный вспышкой, сразу встал передо мной.

— Кто же убийца, мистер Шерингем? — повторил Морсби.

— Это было чудесно задумано, — мечтательно продолжал Роджер. — Мы ни на мгновение не могли предположить, что делали ошибку, внушить которую нам было замыслом преступника.

— Какую ошибку?

— Предположение, что его план не удался. Что был убит не тот человек! В этом весь блеск замысла... Нет, план убийцы не был нарушен и увенчался блестящим успехом. Яд наступил именно того, кому предназначался.

Морсби раскрыл рот.

— Миссис Бэрсфорд была целью с самого начала! — торжествуя воскликнул Роджер. — Потому-то весь план и кажется мне идеальным. Было предусмотрено все. Представлялось абсолютно естественным, что сэру Вильяму передаст конфеты Бэрсфорду. Было предугадано, что мы начнем искать преступника среди знакомых сэра Вильяма, вне связи с убитой. Возможно, убийца даже предусмотрел, что преступление будет сочтено делом женских рук!

Морсби, не в силах больше терпеть, поднял фотокарточку с пола.

— Боже великий! Но, мистер Шерингем, неужели сам сэра Вильяма?

— Он стремился избавиться от миссис Бэрсфорд, — продолжал Роджер. — Вначале она действительно правилась ему, но основная его цель была — заполучить ее деньги. А она слишком держалась за эти деньги. Он пуждался в них отчаянно, а она не хотела расстаться с ними. Нет никаких сомнений в мотивах убийства. Я навел справки в предприятиях, куда он вложил свои капиталы. Все они горят, любое из них! Он просядил все свои деньги и стремился достать еще...

Что же касается нитробензола, я прочитал кое-что и выяснил, что он широко применяется в парфюмерии. А у преступника было собственное предприятие: «Англо-Восточная Парфюмерия». Вот почему он знал кое-что о возможных ядах. Но я не думаю, чтобы он взял отраву отсюда. Для этого он слишком осторожен. Пожалуй, он приготовил яд сам. Каждый человек с техническим образованием знает, как обработать бензол азотной кислотой для получения нитробензола.

— Но... — пролепетал Морсби. — Сэр Вильям... Он учился в Итоне...

— Кто говорит о сэре Вильяме? — резко спросил Роджер. — Я сказал вам: фотография убийцы у меня в кармане! — Он достал из кармана фотокарточку и протянул ее изумленному Морсби. — Бэрсфорд! Бэрсфорд — убийца собственной жены!

— Бэрсфорд, который все еще мечтал о разгульной жизни, — продолжил Шерингем уже спокойнее, — охладил к жене и жаждал ее денег. Он разработал план, предусмотрев, как он думал, все. Пригласил жену в театр и ускользнул от нее на все время первого антракта. (Чтобы установить, когда наступает антракт, я сам просмотрел начало этой чудовищной пьесы!) Он помчался на почту, отправил посылку и вернулся к театру в такси. В его распоряжении было десять минут, но, если бы он вошел в ложу минутой или двумя позже начала второго акта, никто не обратил бы на это внимания...

Остальное прошло как по маслу. Он знал — сэра Вильяма приходит в клуб каждое утро в четверть одиннадцатого, точно, как часы. Он был уверен, что сэра Вильяма при первом

же намеке отдаст конфеты. Знал: полиция пойдет по следу, связанному с сэром Вильямом. А подложное письмо и обертку посылки Бэрсфорд не уничтожил умышленно. Они должны были не только отвести подозрения, но и направить их на некоего безвестного психопата.

— Да, вы проделали шикарную работу, мистер Шерингем, — сказал Морсби с легким вздохом, но искренне восхищаясь. — Поистине гениальная работа! Но что это за вспышка в словах той леди, сразу раскрывшей вам суть дела?

— О, это скорее не то, что она сказала, а то, что я услышал между ее слов. Она сказала: миссис Бэрсфорд солгала мужу, заключая с ним пари. Зная, какого типа женщиной была покойная, я счел такой поступок с ее стороны психологически невозможным. Следовательно, никакого пари не было. Бэрсфорд лгал. Значит, он хотел получить конфеты по какой-то другой причине. Кроме того, рассказ о пари мы слышали из уст только самого Бэрсфорда...

Думаю — он не расстался в тот день с женой, пока она не съела по меньшей мере шести шоколадок: более чем смертельную дозу. При этом, понятно, он съел немного и сам. Несомненно — умнейший ход!

Морсби встал.

— Прекрасно, мистер Шерингем, я очень обязан вам! Теперь я сам закончу это дело. — Он заскреб в затылке. — Случай-Мститель, а? Но ведь какую богатую возможность Бэрсфорд предоставил этому Мстителю! Предположите, что сэр Вильям все-таки не отдал бы конфет? Предположим, он оставил бы шоколад себе — угостить одну из своих дам?

Роджер насмешливо фыркнул. В этот момент он прямо-таки гордился Бэрсфордом.

— Что вы, Морсби! Тогда вообще не было бы никаких последствий. Вы все-таки обязаны отдать должное моему клиенту! Не думаете ли вы, что он действительно послал сэру Вильяму отравленные конфеты? Конечно, нет! Он послал совершенно безвредные и подменил их уже по пути домой. Черт возьми, он совершенно не собирался уступить дорогу Случаю...

— Если, — добавил Роджер, — Случай здесь вообще подходящее слово...

СОДЕРЖАНИЕ

Чарльз Диккенс. Пойман с поличным. <i>Пер. с англ. М.Кляжиной-Кондратьевой</i>	5
Эдгар Уоллес. Пояс царицы Савской. <i>Пер. с англ. под ред. Н.Коротковой</i>	31
Морис Леблан. Шкаф Мадам Эмбер. <i>Пер. с франц. В.Брук</i>	63
Дороти Сэйерс. Гениальная идея мистера Бедда. <i>Пер. с англ. Р.Райт-Ковалевой</i>	77
Брендон Флеминг. Ловушка. <i>Пер. с англ. под ред. Д.Котовой</i>	93
Энтони Беркли. Случай-мститель. <i>Пер. с англ. Ник. Панова</i>	105
Маргарет Мэннерс. Труп в сарае. <i>Пер. с англ. под ред. В.Филипповой</i>	121
Джеймс Тэрбер. Тайна трагедии "Макбет". <i>Пер. с англ. М.Ковалевой</i>	141
Дональд Уэстлейк. Избегайте простуд! <i>Пер. с англ. М.Беленького</i>	149
Жан Рэй. Я убил Альфреда Хевирока. <i>Пер. с франц. В.Козового</i>	165
Манн Рюбен. Легкая рука. <i>Пер. с англ. А.Горянина</i>	179
Грэм Грин. Свидетель защиты. <i>Пер. с англ. Т.Озерской</i>	191
Майкл Иннез. Мышеловка. <i>Пер. с англ. под ред. В.Филипповой</i>	197
Агата Кристи. Убийство в переулке. <i>Пер. с англ. Д.Орла</i>	219